

— Всё-таки так вышло...

Дед тоже замечал: у них с Чжэ Ха всё время что-то шло наперекосяк. Вроде бы встречались нормально, но то один уходил куда-то, то возвращение почти не влияло на жизнь внука. Для чужих глаз их отношения выглядели спокойно, но деду они казались странными.

— Надеюсь, ты с Чжэ Ха всё уладил.

Больше он ничего не сказал, лишь дал понять, что будет наблюдать.

— А тот человек, которого хочешь пригласить, тоже согласен?

Вопрос коснулся «того, кого хочет позвать», и Кан Ха Джун покачал головой. Пока это было только его решением. Он не считал, что тот сразу же примет его.

— Сначала подготовлю жильё, а потом попробую убедить его.

Стоило лишь увидеть ребёнка на руках у Сон Ын Юля — и всё стало ясно. Стало понятно, почему он не умер тогда в гостинице и почему не появлялся перед ним.

Спросить, почему не сказал? Он и не мог сказать. Ведь сам Ха Джун когда-то столкнул его вниз. Как мог тот признаться, что стал отцом? Раз родил и растил ребёнка в одиночку, он и не открылся.

Мысли о том, что тот один растил ребёнка, не давали покоя. Поэтому, едва всё осознав, Ха Джун начал действовать.

Сначала навёл порядок вокруг себя. Сразу же расстался с Хён Чжэ Ха и снял дом. Обставил его так, чтобы Сон Ын Юль мог просто въехать с ребёнком. Сам тоже планировал там жить, но если Ын Юль этого не захочет — войдёт только он с ребёнком. Главное, чтобы у них был тёплый, уютный дом.

Даже людей подобрал и сразу после этого поехал к Ын Юлю. Хотел всё ему рассказать — что знает правду.

Но не смог.

Ын Юль сам сказал: «Давай больше не видеться». Как можно в такой ситуации выложить всё, да ещё и предложить жить вместе? Тот ведь даже ребёнка его не признал.

Кипевшее в груди волнение Ха Джун с трудом задавил. Торопиться нельзя.

— Я буду приближаться постепенно.

Он вторгался в спокойную жизнь другого человека. Нужно было подходить осторожно.

Сон Ын Юль стоял на месте, то сжимая, то разжимая телефон в руке. Мысль о том, что завтра придёт Нам Гун Хёк, заставляла сердце колотиться без остановки. Целый день он метался в тревоге.

Может, Нам Гун Хёк нарочно дал ему этот срок, чтобы держать в напряжении? У него не было времени даже посоветоваться с адвокатом и придумать что-то лучше. А просто отказаться и сказать «не отдам»? Он прекрасно знал, что тот и вправду способен «вырезать брюхо».

В таком случае придётся идти к нему работать...

В итоге Ын Юль решил позвонить.

— Э... очень извиняюсь.

Это был единственный человек, к которому он мог обратиться.

— Помогите мне один раз, господин.

Он надеялся: раз Нам Гун Хёк сразу развернулся, увидев депутата Хан Чхоль Сына, значит, тот сможет повлиять и теперь.

А если нет? Что тогда?

Он боялся, где проснётся послезавтра.

От господина Хан Чхоль Сына ответа пока не было. Он не пришёл в ресторан и не выходил на связь. Весь день Ын Юль провёл в тревоге.

— Папа?

Ха Ныль ходил рядом, тянул его за одежду, то и дело обнимал за талию. Отец был явно не такой, как всегда. Каждый раз Ын Юль гладил сына по голове или поднимал на руки. Его

тревога была связана и с ним, поэтому он ловил каждое мгновение его тепла.

Глаза не отрывались от часов. Даже когда бабушка Лим Бон Суприкрикнула — мол, перестань уже пялиться, — он не смог.

Пока он снова смотрел на стрелки с тревогой, бабушка заперла дверь ресторана.

— А...

Оказалось, рабочий день кончился. Ын Юль впервые отвёл взгляд от часов и увидел запертую дверь.

— Что, ждал, что сам чёрт ворвётся?

— Наверное. Я слишком нервничал, да?

— Из-за твоей мины сегодня все клиенты разбежались.

Под ворчание бабушки Ын Юль сухо усмехнулся. На самом деле совсем не до смеха, но иного выражения лица он не нашёл.

— Не торчи тут, иди домой.

Хотя дверь она заперта, обычно свет гасила позже. А сейчас погасил всё и ушёл отдыхать.

В темноте, освещённой только огнём из соседней комнаты, Ын Юль снова посмотрел наружу.

Нам Гун Хёк так и не пришёл.

День ещё не закончился, но хотя бы на мгновение можно было перевести дух.

До поздней ночи свет в ресторане "Двенадцать месяцев" горел. Высоких этажей там не было — здание в стиле ханок, с тихой, строгой атмосферой. Обычно новые заведения начинали с западной кухни, но Хёк упёрся: только корейская еда и только ханок. Всё должно быть именно так. Хён Чжэ Ха помогал ему, как он хотел.

С довольным лицом Нам Гун Хёк листал буклет, насвистывая. Ещё не открылись, а он уже видел наплыв клиентов.

— Похоже, настроение у вас сегодня отличное.

Сотрудник Пак Чу Хван, убирая рядом, тихо подсел. Раньше он выбивал долги для Нам Гун Хёка, но потом перебрался в ресторан. В спорте он был хорош, но та работа ему не подходила. Услышав о «Двенадцати месяцах», он сразу перешёл сюда.

Теперь он совмещал обязанности официанта и охраны. Среди новых работников он был ближе всех к хозяину, потому и рискнул спросить.

— Очень отличное.

Нам Гун Хёк постукивал буклетом по колену.

— Как думаешь, человек может измениться?

Вопрос был странный, но Чу Хван задумался.

— Да что там измениться... Взять хоть Сингап-хёна: сколько ни говори, чтобы сам себе сигареты покупал, всё равно чужие тянет.

— Я не про это. Я про то, чтобы человек реально изменился. Раньше был злым и подлым — а потом стал добропорядочным.

— Ну... зависит от того, насколько злым был.

— Очень. Прямо как герои утренних мелодрам: вечно злится, кусает других, сплетничает, строит козни.

— Раз вы так говорите, значит, и вправду был ужасным.

Нам Гун Хёк сверкнул глазами, и Чу Хван сделал вид, что не заметил.

— Тогда должна быть очень серьёзная причина. Например, вдруг потерял все деньги.

— И тогда он не изменился.

— ...Предали его?

— Близких у него не было.

— Семья?

Слово было сказано наугад, но выражение лица Нам Гун Хёка изменилось. Один глаз прищурился — будто сомневается.

— Семья... да. Он был одиноким. Может, семья появилась — вот и стал тише? А!

Взглянув на часы, Хёк вскочил.

— Куда вы?

— Шефа забрать. С ребёнком, так что готовься.

— С ребёнком?!

— Думай, что это «один плюс один».

— Но почему именно сейчас?

Хёк ухмыльнулся.

— Хочу застать его в самый спокойный момент.

Он уже представлял лицо ошеломлённого Сон Ын Юля — и это будоражило.

Включив отопление, дом быстро прогрелся. Счета за отопление были большие, но ради здоровья Ха Ныля экономить нельзя. Пока сын самостоятельно надевал пижаму, Ын Юль пил воду, словно гасил пожар внутри. В такие дни хотелось выпить, но с ребёнком он не мог. Стоило ослабить контроль — и всё рухнет. Поэтому он пил воду, ещё и ещё.

Он точно не придёт?

Господин помог?

Тогда мне просто нужно перевести платежи сбережений на него?

До полуночи оставалось три часа. Разумеется, Нам Гун Хёк не растворится, как дым, в полночь. Но внутри он всё равно считал: часы, минуты, секунды.

— Я ж тебе не Золушка...

Золушку хотя бы принц разыскивал, а к нему явится мрачный бандит. Не с хрустальной туфелькой, а с долговыми бумагами.

— Папа, ты не спишь?

— Спать надо. Ты сначала сделай «гусеничку», Ха Ныль.

Ын Юль легонько похлопал сына по попке. От этого жеста Ха Ныль радостно рассмеялся, забежал в комнату и потянул одеяло. Лечь на пол и укутаться — таков был замысел, но, похоже, он собирался носить его как плащ.

Смотря на сына, который, как всегда, был в восторге от игры, Ын Юль невольно улыбнулся.

— Ха Ныль.

— Что?

Мальчик, теребя маленькими ручками одеяло, моргнул большими глазами и уставился на него.

— Спасибо, что родился моим сыном.

— И я тебя люблю, — привычно ответил Ха Ныль.

— Даже если снова родишься, тоже будешь моим сыном?

— Нет.

Ха Ныль, оставив одеяло, подбежал к Ын Юлю и обнял его за шею.

<http://bllate.org/book/14449/1277821>